

ПТИЦА

Кем ты хочешь быть, когда вырастешь? Ирой Кузнецовой или мальчиком. Мальчиком или Ирой Кузнецовой. Вот еще! Каким таким мальчиком? Далась тебе эта Ира Кузнецова! Ты у нас сама красивая, каких не бывает! Красивая? Да? А это что? Ноги? Да? Зубы? Да? Прекрати сейчас же, вырастешь — все пройдет! Что пройдет, ноги с зубами?

Это отрочество. Утро в нем начиналось с того, что я открывала рот и заклеивала пластилином щербинку между передними зубами. Полдня — я училась во вторую смену — я чувствовала себя полноценным человеком с правильным прикусом и смущала дьявольской улыбкой все зеркала, какие были в квартире. Но в школе я, конечно, отдавала себе отчет в том, что, кроме общей эрудиции, крыть мне нечем. Мне не удавалось даже отрастить длинные волосы, одновременно мне почему-то было категорически запрещено носить челку. Позднее в список запрещенных вещей вошли тушь для ресниц, накрашенные ногти и школьная юбка

тревожной длины (стандарт был раз и навсегда установлен мамой). В общем, все то небольшое, что могло хоть как-то приблизить меня к желанному идеалу. В роли идеала выступала моя одноклассница и лучшая подруга Ира Кузнецова по прозвищу Птица. Птица, правда, как раз ничем таким не злоупотребляла — это ей было ни к чему. Она была натуральная блондинка с ровными зубами — что еще нужно человеку для счастья. И это счастье валилось на нее со всех сторон.

В десятом классе, например, Птица показала мне свои портреты. Это были гляцевые черно-белые снимки. До этого я такие видела только в специальных фотожурналах. На снимках Птица смотрела из космической черноты, а ее белые волосы, как крылья театральной чайки, трагически ломались на плечах. Помню, что я поискала и не обнаружила в себе абсолютно никакой зависти — настолько органичной казалась мне Ирка в образе чьей-то музыки. Кого же еще снимать, если не ее? Опомнилась я только тогда, когда узнала, что автором фотографий был одноклассник Вова — моя долгожданная, трудная и, как ни странно, взаимная симпатия. По большому счету, такое не прощают. Но я решила, что жизнь все же справедливее, чем мы о ней думаем. И в самом деле — кого я могу вдохновить как модель? Никого, включая Вову. Правда, как-то раз на автобусной остановке один молодой мужчина подошел ко мне и сказал — знаете, девушка, я хочу вас нарисовать... Я бежала так

долго и быстро, как учила меня мама все мои первые шестнадцать лет жизни именно на этот случай.

Сданный без боя Вова даже не раздружил меня с Птицей. Переоценки ценностей не последовало. А последовало удвоенное обожание и терзания собственным несовершенством.

Собрав все пряники, которые только могла испечь юность, Ирка-Птица отправилась в свое скандально раннее замужество буквально пешком — в авто ее мучил токсикоз. Мне в это время как раз разрешили красить губы гигиенической помадой. Но это было позже.

Фотолюбитель Вова не стал Птицыной судьбой — у нас бы это сочли пошлым. Судьбой стал курсант летного училища Сережа. Все девочки, мало-мальски знающие себе цену, выходили у нас замуж за курсантов летного училища. Это не считалось пошлым, а считалось удачным выбором. Чтобы выйти замуж за курсанта летного училища, нужно было три-четыре раза сходить на танцы в их летный клуб. Однажды мне тоже разрешили сделать это. С утра я накрутила волосы на бигуди, а мама вывесила на балкон проветрить свой импортный кримпленовый сарафан на пуговицах. В него мне предстояло облачиться. Я приняла ванну и надела чистое белье. Такое впечатление, что я шла не на танцы, а прямо в загс. Краситься мне по традиции в мягкой форме не рекомендовали, чтобы выглядеть естественно. И мне это удалось. В летном клубе в тот вечер не было никого естественнее меня. Меня, конечно, никто не прово-

жал, зато многие встречали. Мама, папа и соседка Валентина с собакой, которая как раз вышла на прогулку. Будущее как-то само по себе утрачивало романтизм и хоть какую-то привлекательность.

Тем временем Птица гуляла с женихом Сережей под ручку и приходила домой поздно. Но ее никто не отчитывал, потому что у нее опять же было счастливое и таинственное заболевание щитовидной железы, при котором ей ни в коем случае нельзя было волноваться. Чтобы не волновать Птицу, ей позволяли даже время от времени оставлять этого Сережу на ночь. И утром я наблюдала (мы жили напротив), как он встрепанный и довольный бежит на свои летные занятия, то и дело оглядываясь на Птицын балкон, придерживая рукой синюю фуражку. А умиротворенная Птица сонно глядит на него из окна своей комнаты. Надо сказать, что даже бытовые радости, которые судьба без труда могла бы распределить по справедливости между жителями нашего микрорайона, достались беззаботной Птице. Из всех нас только у нее, к примеру, была своя комната. Благодаря удачному разводу родителей и справедливому разделу имущества.

Иногда мне разрешали у нее переночевать. Это были сладчайшие часы проникновения в святая святых — тайну ее манер. Я жадно запоминала, как, что и в каком порядке она делает. Вот так она достает книгу, так убирает волосы за уши, так постукивает длинными пальцами по мутному оргстеклу письменного стола, так запахивает ха-

латик, так снимает перед сном костяные бусики и волшебным жестом, как венок — двумя невесомыми руками, — водружает их на специальную отлакированную корягу, вбитую в стенной шкаф. Коряга появилась у меня незамедлительно, и я отрабатывала это движение на кожаном шнурке с нехитрой бирюлькой, которую я носила поверх свитера. Утро... Утром она умывалась, затем смазывала щеки детским кремом «Малыш» — я помню его апельсиновый запах, — губы вазелином, а руки кремом «Елочка». Потом мы шли завтракать, сидели друг против друга, она опять убирала волосы за уши, протягивала руку за хлебом, я вдыхала «Елочку» и была на грани постижения истины.

Однажды Птица остригла челку. Густую, начинавшуюся от макушки, сразу сделавшую ее похожей на немецкую куклу Габи, которая сидела у меня на диване.

Это был запрещенный прием. Потому что челку, как я уже говорила, моя мама не санкционировала бы никогда. Челка была для мамы каким-то особым болезненным грехоподобным символом, о котором она даже просила не напоминать ей перед сном, чтобы не нервничать. Я до сих пор не понимаю этой куафюрной интриги. Зато я точно знаю, что роди я в десятом классе или отрежь челку — реакция мамы была бы примерно одинаковой.

Но я вышла из положения. Длинную прядь волос я складывала пополам на лбу, а концы прятала под шапку. Издалека казалось, что я действительно

подстриглась. Птица мне сочувствовала. Ей, божественной, даже не приходило в голову иронизировать по поводу моих потуг. Совершенство удерживало ее на достойной высоте, и это спасало наши отношения.

Что бы я ни делала — признавалась я себе вечерами, — заранее обречено. Ибо все это лишь жалкая копия яркого оригинала. Начиная с ловко связанной шапочки и заканчивая карандашными рисунками, в которых Птица успешно упражнялась в свободное время. Мои шапочки переделывались из маминых меховых колпаков путем надвязывания тесемок — чтобы в уши не дуло. Таким образом, до шестнадцати лет на уши я не жаловалась.

Я вообще не помню, чтобы я на что-то жаловалась, не исключая прискорбное отсутствие талантов. Само собой, я пыталась рисовать. Было очевидно, что секрет — в наклоне карандаша, который Птица укладывала в гамачок сухих бескровных пальчиков почти параллельно столу. Этот градус я вычислила практически сразу — мой кумир развил во мне наблюдательность до немислимых пределов, но беда была в том, что именно в этом положении мою руку, до того неплохо справляющуюся, например, с черчением, буквально сводило. Лишенные всяческих пропорций человеческие фигуры авангардистскими отрядами расплозились по стенам нашей квартиры, свирепые профили (считалось, что профили мне удаются) клевали поля моих тетрадей по всем предметам. Птицины

жанровые зарисовки скромно украшали читальный зал школьной библиотеки. Ира Кузнецова. Во дворе. Бумага, карандаш.

Однажды нас с Птицей отправили отдыхать на Черное море. Нас было пять девочек и одна чья-то мама. Мы замечательно проводили время, пользуясь легковесным и небезопасным успехом у местной загорелой публики с ярко выраженными охотничьими инстинктами. По ночам мы до изнеможения обсуждали эти приключения, давась от смеха и борясь с икотой. Красивая, бронзово загоревшая Ирка была единодушно признана самой удачливой по части собирания красноречивых взглядов и намеков, коими, кстати, наши приключения в основном и ограничивались. Правда, в последний день прямо на пляже и мне сделал предложение какой-то отставной матрос, предварительно осушив свое матросское тело ветхим детским полотенцем. Я согласия не дала, но обещала писать письма в залог нашей дружбы. «Не дружбы, а любви», — поправил опытный матрос. А для любви письмо не залог. А что залог? Прекрасная южная ночь! Потому что буквально завтра он уйдет в море — и должны же у него остаться хоть какие-то воспоминания. Я сказала, что конечно и что подумаю. Весь вечер мы с Птицей думали — что бы это значило? А когда, задыхаясь и прыкая в кулак, наконец додумались, матрос уже стоял на пороге нашей палатки, помахивая прозрачным пакетом с мокрым полотенцем.

Мы сначала затихли, потом завизжали, а потом пришла наша единственная мама и сказала, что вызовет милицию. Всю ночь меня трясло и распирало от гордости. Пусть так, пусть по-идиотски, но ведь только я, я, я оказалась востребована этой заветной взрослой технологией желаний, ответов, обоюдных конструкций! Я, и никто из них. Даже Птица. Только глазки строила, а толком ни с кем и не познакомилась.

«Какой дурак! Какой идиот! Чего захотел! Да они там все такие — ханыги!» — перебивали мы друг друга еще три дня, пока не приехали домой. А как приехали, я тут же написала матросу письмо, где подробно извинялась за то, что не смогла оправдать его матримониальных надежд. Подписала «Все-таки ваша О.». Слово «все-таки» на всякий случай проверила по словарю.

Через три месяца я поняла, что ответа не будет. Скорее всего, матрос ушел в кругосветное плавание. Хорошо, что Птица не знает про письмо, а знает только, что меня замуж звали. И в этот же день пришла Птица с большим конвертом. В конверте лежал журнал «Музыкальная жизнь», а в журнале фотография виолончелиста со смешной фамилией Востриков. Вокруг этого Вострикова рябила солидная статья. «Кто тебе этот Востриков?» — заранее не удивилась я. В рамках Иркиной планиды у нее запросто мог оказаться, например, двоюродный брат — гений. Как — кто? Я же с ним на море познакомилась. Ах, на море... Ты же говорила, там одни ханыги. Я говорила — в основном. А в частно-

сти попался Востриков, письма пишет, вот журнал прислал, ждет меня следующим летом.

Все стало на свои места. Выяснилось, что жизнь своей программы менять не собирается. И будет так. Мне — фиктивные матросы, ей — натуральные виолончелисты. Мне — циничные предложения, ей — вдохновенные прелюдии. Мне — обветренный край, ей — полнокровная мякоть. Ей — все лучшее и с первой попытки, мне — потом и кровью на пятый раз.

По итогам конкурса мужем был признан курсант Сережа, а Птица поступила в политехнический, хотя никогда до этого не интересовалась математикой. В этот же год аист ей принес дочь. Аист, потому что родами это назвать нельзя. Ну, хоть с дочерью она могла бы помучиться? Как я спустя десять лет двое суток на родильном столе? Как бы не так. Полгода она регулярно присылала мне свои пузатые фотографии — вот я в счастливом ожидании. И я животом чувствовала, как адреналиновый поршень курсировал сквозь мои внутренности от созерцания Птицыной гармонии. Тем более что Птица ждала ребенка беспечно, как бывалая многодетная труженица села. То есть врачей в глаза не видела, анализы не сдавала, срок вычислила по учебнику анатомии.

Но тогда в магазинах без справки из поликлиники не продавали пеленок. Вот незадача! Пришлось в конце концов пойти в женскую консультацию. Ну, давайте посмотрим, женщина. Ложитесь.

Так-так. Боже мой, какая справка, да у вас же роды начались! Правда? Что вы говорите? А я ничего не чувствую... Приехала «Скорая». Куда ее — в шестую? Нет, в тринадцатую. В первый, в первый! Там мест нет! Птица позвонила маме, попросила сходить за пеленками. В роддоме ее уложили в палату. Сердобольная нянечка принесла тарелку с едой — кушай, детка, тебе еще ой как лихо придется! Птица поела. Заглянула в тумбочку, обнаружила там журнал «Работница». Прочитала статью про то, как женщину бросил муж. Бывает же такое... Пришла сестричка, сделала стимулирующий укол. Готовьтесь, сказала, сейчас начнется активная родовая деятельность. Птица прочитала еще одну статью о том, как другая женщина вылечила мужа от алкоголизма. Где они их только находят, мужей таких? После чего она заснула. Через полчаса родилась Катька.

Пошли фотографии с Катькой. Я в это время училась, наконец, в университете, переписывалась с мальчиком из Полтавы по имени Саша Сало, который в письмах страницами цитировал роман Дюма «Три мушкетера», а сам подписывался д'Артаньян. Я плевала на Дюма и очень переживала из-за Сашиной фамилии. На что можно рассчитывать с такой фамилией? А это кто? Это ее муж. Сало. А это — Сало-младшенький. Кошмар какой-то! Вот у Птицы, естественно, муж Тополевский. И похож он на Жерара Филипа, но об этом можно и не говорить, это и так всем понятно.

На пятилетней Катьке письма прекратились. Птица жила в городе Харькове, куда распределили ее Жерара Филипа. Общение съезжилось до рядовых новогодних открыток. Радости тебе, удачи, оптимизма, а главное, здоровья! Здоровье — главное. Плюс оптимизм. И будешь как Птица. Все слышали? В одну из генеральных уборок я рассовала Птицыны фотографии по кармашкам удобного альбомчика и поставила его на книжную полку. Коричневый альбомчик тут же мимикрировал под одиннадцатый томик собрания сочинений А.С. Пушкина издательства Академии наук.

Я вздохнула, как будто закопала ядерный реактор, и покатила свою собственную автономную жизнь. Диплом, аспирантура. Год, еще год. Наконец меня взяли в приличное издательство — третье по счету. Коллектив приятный, хотя пьющий. Зато бабы независтливые, а может, просто интеллигентные. Первый, второй муж выпали в процессе трудоустройства, как молочные зубы, уступив место прочному, гладкому чувству осмысленной благодарности за понимание и посильную заботу. Так на счет «три» появился Алик. Когда он заезжал за мной на работу, ждал в коридоре у предусмотрительно заблокированного лифта, бабы одобрительно кивали. Хорошо, мол, удобно. Потом смотрели на меня вопросительно: а что он еще умеет, кроме как лифт вызывать? О! Алик умеет многое! Например, он знает толк в тонированных